

ПРИКЛАДНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

□ ВАНДЫШЕВ В.Н. (Суми, Україна), ВАНДЫШЕВА-РЕБРО Н.В. (Харьков, Україна)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА, ПОЭТИКА И ВЛАСТЬ (украинская реальность весны 2016-го)

АНОТАЦІЯ

Політична риторика державних та політичних діячів України істотно розходиться із їх політичними та економічними діями. З цього приводу аналітики заперечують наявність в країні лідерів, здатних проводити необхідні перетворення. Політична риторика завжди має своє «обличчя», яке висловлює історико-культурну традицію та етнопсихологічні особливості його реципієнтів. Багато хто з діячів владної верхівки України пройшли школу комуністичної партії, «генеральна лінія» яка уникла слова «думати», стверджуючи всім зрозуміле слово «діяти».

Ключові слова: політична риторика, влада, корупція, свобода слова, сталінізм, управління, перебудова (перестройка).

АННОТАЦИЯ

Политическая риторика государственных и политических деятелей в Украине существенно расходится с их политическими и экономическими действиями. Это дает основания аналитикам отрицать наличие в стране лидеров, способных проводить необходимые преобразования. Политическая риторика всегда имеет своё «лицо», которое выражает историко-культурную традицию и этно-психологические особенности ее реципиентов. Многие деятели властной верхушки в Украине прошли школу коммунистической партии, «генеральная линия» которой избегала слова «думать», утверждая всем понятное слово «действовать»!

Ключевые слова: политическая риторика, власть, коррупция, свобода слова, сталинизм, управление, перестройка.

SUMMARY

Political rhetoric of statesmen and political figures in Ukraine substantially differs from their political and economic actions. That is why many analytics deny the availability of leaders in the country, who are capable to perform the needed reforms. Political rhetoric always has its "face", which expresses certain historical and cultural tradition together with ethnic and psychological specific of its recipients. Many figures from the Ukrainian elite went through the school of communist party, which "general line" avoided the word "to think" in favour of the clear "to act"!

Keywords: political rhetoric, power, corruption, freedom of word, Stalinism, leadership, restructuring (perestrojka).

Введение

Современная общественно-политическая мысль в Украине настойчиво пытается понять подспудные причины происходящих (а особенно не-происходящих) политико-экономических и ценностно-нравственных изменений, причиной которых явился Май-

дан конца 2013 – начала 2014 года, названный Революцией достоинства [1]. Сегодня многие авторы задаются вопросом, есть ли в стране лидеры, соответствующие потребностям времени, определены ли эти потребности времени, определены ли пути и средства их достижения. Актуальным для нас является и восприятие украинских постмайданных реа-

лий глазами западных медиа, которое рассматривает в своей публикации Ольга Ткаченко [2, с. 75-86]. Действительно, победа над прежним режимом в результате массовых протестов людей в Украине вызвала массу ожиданий по поводу улучшения экономического положения людей и дальнейшего углубления и совершенствования демократических институтов в стране. Но пока ожидания не оправдались. Экономическое положение людей неимоверно ухудшилось, коррупция, как многократно демонстрируют медиа, стала откровенной и беспредельной, демократические и патриотические силы власть преследует, свободу слова пытается ограничить. Дошло до того, что известный медиа-ведущий Савик Шустер, программа которого давно уже подвергается необоснованным преследованиям, недавно достаточно эмоционально заявил, что политика президента П. Порошенко – это «сталинизм, но с оффшорами». В то же время политическая риторика, как система аргументации и убеждения, которую политическая власть в Украине демонстрирует в своих выступлениях и оценках, дает вполне благостную картину отечественной жизни.

Изучение литературы, предметом которой является политическая риторика, свидетельствует о том, что авторы исследований обращают внимание на основные аспекты в выступлениях политических ораторов. Во-первых, вызывает интерес сам предмет выступления и то, какими риторическими средствами политики стремятся привлечь внимание слушателей, а также какого рода аргументацию они при этом используют. Во-вторых, поскольку речь идет о деятельности политиков, логичным представляется анализ и оценка их представлений о сущности управления и руководства, что встречается чаще. В то же время суждения и представления государственных и политических деятелей о лидерстве и вождизме встречаются реже, что, по-видимому, связано с определенными опасениями относительно их употребления в настоящем времени.

Исходя из того, что политическая риторика всегда имеет своё «лицо», которое определенно выражает историко-культурную составляющую, определенно отражает ряд этно-психологических особенностей народа, то можно определенно говорить об извест-

ной преемственности в различных ее формах. Отсюда и цель нашей статьи – анализ особенностей политической риторики сталинизма и ее трансформации в условиях постсоветского общества.

Лично Иосиф Сталин и его соратники были достаточно образованными и подготовленными для того, чтобы в своих выступлениях и публикациях использовать широкий спектр риторических приемов и средств, организуя общество в новой системе политико-экономических координат исторического развития. А, исходя из того, что все советские партийные деятели, начиная от Владимира Ленина, говорили о руководящей роли пролетарской партии, центральным понятием в их политических выступлениях было понятие «руководство». Использование этого понятия вполне отвечало представлениям советских партийных и государственных деятелей, которые свою историческую миссию видели в том, чтобы массы «вести за руку» в «светлое будущее – коммунизм».

Руководители коммунистической партии об управлении

В одном из своих публичных выступлений (1927) Иосиф Сталин заметил: «В чём выражается главное и характерное в положении нашей страны, если смотреть на дело с точки зрения управления страной, с точки зрения руководства всей нашей строительной работой? Главное и характерное состоит в том, что партия сумела нащупать правильную политику, – основная линия партии оказалась правильной, а её руководящие указания оказались жизненными» [3, с. 155]. Мы намеренно выделили в цитате эти два понятия, полагая, что сам Сталин, бесспорно, приоритетным считал второе. «Массами должна руководить партия» – этот тезис многократно звучит как в указанном выступлении, так и во многих других выступлениях Сталина и соратников. Руководство должно быть гибким, то есть учитывать изменения, произошедшие за последние годы. Чтобы разъяснить произошедшие изменения массам, необходимо разъяснить им указания партии. Если люди их не поняли, надо возвращаться к разъяснению вновь и вновь. «Без этого не будет и не может быть теперь никакого руководства», – подчеркивал И. Сталин.

Но, замечает он далее, «масса не может уважать партию, если партия бросает руководство, если она перестаёт руководить. Массы сами хотят, чтобы ими руководили, и массы ищут твёрдого руководства» [4, с.161-162]. Важно обратить внимание на часто употребляемое в выступлении понятие «масса» и требование усиления руководства. Можно утверждать, что И. Сталин уже в то время был достаточно уверен в силе своей власти, а потому имел и более-менее определенное видение будущего, достижение которого требовало твёрдого руководства. В то же время он обращал внимание на то, что руководство должно быть гибким, т.е. чутким к запросам масс.

Казалось бы несовместимые понятия: гибкость, чуткость, твердость, усиление. Но в системе представлений о руководстве партии – это всё вполне совместимо, если учесть, что ведь и запросами масс партия также должна руководить. Прямо об этом Сталин не говорит, но весь контекст выступления об этом.

Ожидания чего-то очень неожиданно, но успешного в «массе» постреволюционного советского общества удивительным образом сочетались со скептицизмом и безудержной верой в чудо. Именно на этих противоречиях и спекулировала компартийная верхушка в своей пропагандистской работе. В начале 1927 года еще только принято решение «закладывать фундамент новой промышленности на основе своих собственных накоплений», но уже говорят о грандиозном здании новой социалистической промышленности как основном достижении. Выступая перед рабочими железнодорожных мастерских, Иосиф Сталин замечает: «Говорят, что у этого грандиозного здания имеются некоторые недочёты, что штукатурка не та, что кое-где обои отстают, что где-то там в углу сор еще не выметен и т. д. Всё это так. Но разве в этом дело и разве в этом главное? А грандиозное здание новой промышленности возводится или нет? Да, возводится. А строится это здание за счет собственных средств или нет? Да, за счет собственных средств. Не ясно ли, что в деле хозяйственного строительства, в деле индустриализации мы уже достигаем главного и основного?» [5, с.175]. Своими четкими риторическими вопросами И. Сталин побуждает к положительным ответам, хотя того, что спра-

шивая, утверждается, – нет в действительности. В действительности есть победные реляции, и есть скрытая от массы реальность – в это время из музеев и хранилищ страны вывозятся и продаются коллекционные картины, драгоценности и золото. И значительная часть полученных средств расходуется на содержание партаппарата.

Заметим, что сталинская метафора по поводу «грандиозного здания» лишь частично может быть рассмотрена как оригинальное профессиональное ораторское достижение. Задолго до цитируемой речи нечто подобное уже было, а автором был Анатолий Луначарский. Тогда, в 1904 году, он – убеждённый богоискатель, рассуждая об эстетическом принципе единства и ясности, писал: «Но люди, не умеющие жить в будущем, в творчестве, в стремлении, будут уходить с той площади, где медленно воздвигают величественный храм жизни, где поколение трудится вслед за поколением, но где пока видна лишь груда камней, ямы с цементом, стропила, листы железа, очерк фундамента на земле... где всё обещает, но мало что уже радует взор. Люди торопливые будут уходить отсюда, они осудят медленную работу, как бесплодную, они укажут на воду, подмывающую фундамент, на скалы, которые надо взорвать, на ограниченность сил человека и предпочтут строить из облаков живописные воздушные замки. Мы можем оглянуться на них с улыбкой, полюбоваться на их цветную фата-моргану, но нам странно, когда нас приглашают поселиться под кровлей мечты, и мы снова принимаемся за работу». [6, с.42]

Впрочем, сталинская метафора вносит новый элемент сравнительно с Луначарским – величественный храм превращается в грандиозное здание. Поправка принимается и Луначарским, который активно работая на поле политической риторики, уверенно повторяет в своем выступлении и в статье (февраль 1933 года) свою метафору, заменив храм домом, будущим дворцом: «Представьте себе, что строится дом и, когда он будет выстроен, это будет великолепный дворец. Но он еще не достроен, и вы нарисуете его в этом виде и скажете: «Вот ваш социализм – а крыши-то нет». Вы будете, конечно, реалистом – вы скажете правду: но сразу бросается в глаза, что это правда в самом деле неправда. Социалистическую правду

может сказать только тот, кто понимает, какой строится дом, как строится, и кто понимает, что у него будет крыша. Человек, который не понимает развития, никогда правды не увидит, потому что правда – она не похожа на себя самое, она не сидит на месте, правда летит, правда есть развитие, правда есть конфликт, правда есть борьба, правда – это завтрашний день, и нужно ее видеть именно так, а кто не видит ее так, тот реалист буржуазный и поэтому пессимист, нытик и зачастую мошенник, фальсификатор...» [7, с.525].

Что у Сталина, что у Луначарского мы не видим убедительных аргументов, попыток доказательности своих мыслей. Их заменяют слова: «достижение», «не ясно ли», «несомненно», «бросается в глаза», которые следует принимать как констатации, бесспорно. Но люди, которые не видят крыши там, где ее нет, которые активно не выражают своего восторга, в 1933-1934 годах – это вредители, независимо от своего социального положения. Позитивная эстетика вкупе с риторическими фигурами, обслуживающими ее, как показывает история большевизма и коммунистического строительства в СССР, была принята партией к руководству. Включила она в себя требование «приучить человека спокойно относиться к трагическому, испытывать красоту ужаса, борьбы, уметь ценить в страданиях героев их героизм – великая задача. Ужасное, так же как и страдание, изображается истинно трагическим искусством как нечто прекрасное, достойное удивления: это приучает нас и в жизни уметь сохранять самообладание перед наступлением ужасного, а не проливать слез слабости, не хныкать над муками падающих рядом братьев; свобода от мелочного страха, от трусости получается лишь ценою привычки к ужасному; свобода от слезливого сострадания, связывающего нас по рукам и ногам в тяжелой борьбе, – лишь ценою привычки к зрелищам страдания; это и есть то очищение, которое придает трагически-прекрасному его глубочайший смысл. Не равнодушные воспитывают оно в нас, а умение ценить борьбу за ее силы, за интенсивность жизни в ней, умение обратить внимание на мужество, ловкость, находчивость, а не на раны и стоны. Воспитывать мужество в человечестве великое дело, которому служит истинное трагическое искусство» [8, с.72-73].

Поэтика и реальность в идеологии пролетарских писателей

Образ сверхчеловека, как существа прекрасного и властного, в представлении Луначарского, вполне привлекателен был как для Ленина, так и для Сталина. Это определенно актуально после начала коллективизации, в преддверии грядущих массовых репрессий и голодоморов. Есть несколько моментов, на которые следует обратить внимание в письме И. Сталина к Алексею Горькому (1930): «Молодежь у нас разная. Есть нытики, усталые, отчаявшиеся... Есть бодрые, жизнерадостные, сильные волей и неукротимым желанием добиться победы. ...если даже взять свою (по социальному положению) молодежь, не у всякого хватает нервов, силы, характера, понимания воспринять картину грандиозной ломки старого и лихорадочной стройки нового, как картину должного и значит желательного, мало похожую к тому же на райскую идиллию «всеобщего благополучия», долженствующую дать возможность «отдохнуть», «насладиться счастьем». Понятно, что при такой «головоломной сутолоке» у нас не может не быть усталых, издерганных, изношенных, отчаявшихся, отходящих, наконец – перебегающих в лагерь врага. ...мы... должны стараться сократить количество ноющих, хныкающих, сомневающихся и т.п. путём организованного идейного (и всякого иного) воздействия на них» [9, с.174-175].

В приведенных текстах обращает на себя внимание созвучие и единообразие партийной терминологии Анатолия Луначарского и Иосифа Сталина, которые активно используют понятия «пессимист», «нытик», «ноющий», «хныкающий», «отчаявшийся», «перебегающий в лагерь врага», «фальсификатор» и т.п. Если же посмотреть шире, то очевидно, что таким образом готовилась почва для начинающих репрессий сталинского режима.

Взглянем на риторику и других активных идеологов коммунистического насилия. Вот, например, фрагмент из выступления Максима Горького на Первом съезде писателей (1934): «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого

счастья жить на земле» [10, с.93]. Очевидно, что философская подоплека идеи власти над природой у писателя Горького от Николая Фёдоровича Фёдорова, который говорил: «Свобода без власти над природой – то же, что освобождение крестьян без земли». Понятно, что принятие такого определения в условиях, когда происходили коренные преобразования в стране, когда всю разворачивалась индустриализация, было уместно. Трудовой энтузиазм вызывали сводки об укрощении рек, закованных в бетонные плотины, о массовом производстве тракторов, автомобилей и т.п. И в области здоровья и долголетия тоже можно было найти положительные сдвиги. Что же касается счастья жить на земле советской, то сам Горький, очевидно, немало знал о насилии над миллионами заключённых. Хотя, конечно, есть буква, а есть дух. А посему, с точки зрения духа горьковского определения, оно – безупречно. Ведь до тех пор, например, пока строители-заключённые Беломорско-Балтийского канала были в состоянии «побеждать силы природы», т.е. соединять моря, пока они не умерли от голода и болезней, они вполне могли рассчитывать на «великое счастье жить на земле».

Главная задача, которую Сталин ставил перед собой – обеспечить свою единоличную власть до последнего вздоха [11, с.194-233]. Для этого важно было покончить со всеми, кто мог бы помешать этому, образно говоря – покончить со «старым». В одном из многих писем Николаю Бухарину Максим Горький писал, ссылаясь на очередную Резолюцию ЦК РКП: «Нет сомнения, что этот умный подзатыльник сильно толкнет вперед наше словесное искусство. Молодежь осмелеет в своем отрицании старого быта, получит возможность отмести беспощадно его ядовитую пыль и грязь в «комчванстве» и с большей энергией начнет искать и создавать «героя», – человека, в совершенстве воплощающего в себе инстинкты и дух массы, влекомой историей к жизни поистине новой. Необходимо, чтобы пафос фронтов, боевой, т.е. военный пафос, был заменен пафосом стремления к труду и творчеству» [12, с.246]. И далее, как истинно пролетарский писатель, Горький призывает к «нешадной» критике идеологии «мужикопоклонников и деревнелюбов». Здесь же Максим Горький заметил: «Люди моего поколения одолеть эту

дьявольски простую, а потому дьявольски трудную тему – не могут. Нам дано добить старое, но у нас нет сил для изображения нового в том грандиозном объеме, как его выдвигает жизнь. А потому и своевременно и мудро приласкать несколько – молодых, воодушевить их, как это и сделано в резолюции ЦК. Город и деревня должны встать – и [ближе] – лоб в лоб. Писатель рабочий обязан понять это» [13, с.247]. После призыва показать незначительное огромным, как того требует жизнь, а неспособных это делать отстранять, трудно определить Горького как гуманиста.

В письме Максима Горького Иосифу Сталину (1929), когда тот взял курс на подавление крестьянства как силы самостоятельной, читаем: «Историческая необходимость – заставить мужика, истощающего землю своей неумелой – и потому хищнической – работой, заставить его работать коллективно, продуктивно и бережливо по отношению к почве...» в то время, как «...все более сознательно и энергично действует воля рабочего класса, направленная к творчеству новых форм жизни» [14, с.184-185]. В суждениях Максима Горького мы видим превалировавшую тогда линию партии в отношении к деревне. С наибольшей силой могучий поток революционных преобразований, начатых в октябре 1917 года, переломал крестьянский уклад жизни. Одной рукой новая власть тащила крестьянина в «царство свободы», а другой – душила. Формируя у него новое ощущение коллективности, новая власть всеми доступными ей средствами душила его жажду личной свободы и свободного предпринимательства.

Мысли писателей и политических деятелей сталинизма воплощались в содержание публичных выступлений. Ведь по сути философско-мировоззренческая основа создания положительного образа-типа – это на деле субъективно-волюнтаристское навязывание обществу в целом и отдельному человеку писательской «воли и представления». Но задача была партией поставлена, и лучше всего с ней могли справиться люди молодые, не обременённые ни знаниями, ни памятью об опыте прошлой жизни. Вместе со старшими товарищами они и создавали новый язык, по Дж. Оруэллу – «новояз», который становился заместителем привычного обыденного, широко усвоенного, и в который, казалось бы, и

добавить больше нечего. Многие современники и участники процесса переустройства Российской империи понимали, что, может быть, в действительности пока есть только слова, но какие это были слова! Как они завораживали, и каким дурманящим духом светлого и безмятежного будущего веяло от них. Но если и не всем было это понятно, то опять-таки, скорее от скудоумия, от не-до-понятия, да и задумываться особенно хотя бы даже и «о плане общей жизни», как это попытался сделать т. Вощев, один из персонажей романа А.П. Платонова «Котлован», эпоха не давала. Завком, настойчиво вопрошая о причинах его смятения, весьма убедительно разъяснял суть текущего момента: «Если мы все сразу задумаемся, то кто действовать будет?» [15, с.485]. Молодой писатель Андрей Платонов гениально схватил суть. А. Авторханов много позже подчеркивал: «Генеральная линия партии» была сильна своей ясностью, неуязвимостью, повелительностью. В её лексиконе не было слова «думать», а было всем понятное слово «действовать»! «Думать» – это прерогатива одного Сталина, «действовать» – это задача всей партии. Поэтому и «порядок» был идеальным, и управлять было легко» [16, с.201].

И свои выступления Иосиф Сталин часто заканчивал, используя одни и те же риторические приёмы, призывавшие принять реальность и действовать. Например: «Я кончаю, товарищи. Политика наша правильна, и в этом наша сила...» (т.13, с.162); «Я кончаю, товарищи. Каков общий вывод? Мы имели за истекший период ряд решающих успехов на всех фронтах социалистического строительства...» (т. 12, с. 373). Или, например, так: «Товарищи! Я не сомневаюсь, что вы примете все меры к тому, чтобы факел этот горел и освещал дорогу всем угнетенным и порабощенным.

Я не сомневаюсь, что вы примете все меры к тому, чтобы пламя этого факела раздувалось вовсю на страх врагам пролетариата.

Я не сомневаюсь, что вы примете все меры к тому, чтобы такие факелы зажглись во всех частях света на радость пролетариям всех стран» (т. 9, с. 151).

Но, если писателю Андрею Платонову трудно было принять идеологию общества, сплошь погружённого в трясину трудового энтузиазма и имеющего цели весьма далёкие от человеческого искания истины, то спус-

тя несколько десятилетий писатели вполне адаптировались к «линии партии» и спокойно говорили об обществе, в котором не следует задумываться, а надо действовать, действовать, действовать. Тогда, в 1960-е годы, романтики коммунистического преобразования мира жаждали Работы, поклонялись Божеству-Работе. В романе «Территория» автор излагает жизненное кредо своих героев, которых давно уже не интересовали деньги, зарплата, даже честолюбие их было уже преодолено жизнью. Сила, которая заставляла их рисковать и тревожиться и называется работой. «Но что такое работа? Кто может дать этому краткое и всеобъемлющее определение? Страсть? Способ самоутверждения? Необходимость? Способность выжить? Игра? Твоя функция в обществе? И так далее, до бесконечности» [17, с.140]. Как мы можем увидеть из сказанного, работа стала всеобъемлющим понятием человеческого бытия.

Некоторые исторические параллели и аналогии

Уместны ли экскурсы в содержание романов и повестей, представляющих историю социалистического реализма? На наш взгляд, подобные экскурсы отнюдь не бесполезны, отнюдь не бесплодны. На образах советской литературы, несшей в себя и активно пропагандировавшей соответствующие ценности и идеалы, выросли поколения людей. Художественные образы этой литературы формировали поэтику и патетику выступлений как политических деятелей, так и легиона партийных пропагандистов и агитаторов. И сегодня десятки миллионов людей в Украине, прошедших эту школу, в трудном поиске. Кто-то хочет, чтобы было, как было, кто-то хочет нового. Но эти поиски с ожесточенным внешним и внутренним сопротивлением нам не в новинку. Вспомним нашего духовного лидера Тараса Шевченко, который писал:

*«Доборолась Україна
До самого краю:
Гірше Ляха свої діти
Її розпинають...» [18, с.181].*

Образцы политической риторики новоявленных людей, представляющих власть в Украине, можно было бы привести в качестве примера, хотя содержание их выступлений,

как свидетельствует наше бытие, однообразно и насквозь лживо. Достаточно вспомнить всю палитру обещаний президента Петра Порошенко (2014), премьера Арсения Яценюка или «демократической европейской» коалиции (2015), озвученную и широко распропагандированную. Меняются лица, но сущность их не поражает высокими духовными и патриотическими ценностями. Савик Шустер заметил: «То, что Янукович и Порошенко похожи, для меня не было новостью. Спустя три недели после избрания я написал на ФБ, о том, что преждевременно впадать в эйфорию, потому что Порошенко – это улучшенный вариант Януковича. Порошенко, как и Янукович, шел на выборы с обещаниями, которые не думал выполнять. Он говорил, что будет защищать свободу слова. Он говорил, что все офшоры нужно перекрыть, а спустя четыре месяца открыл новый. Он точно так же ведет себя в области медиа, но действует тоньше, потому что лучше понимает в медиа» [19]

Столетия нашей истории выполнили страшную работу по отторжению Украины от Европы. Один из тех видных политических историков, которые объективно исследовали историю России, Георгий Федотов (1945) рассматривал Киевскую эпоху Руси как период, когда там имелись все предпосылки, из которых на Западе впоследствии утвердилась свобода. В киевском обществе власть единолично не принадлежала князю, он вынужден был делить ее с боярами, с дружиной и вече. Именно разделение властей и давало больше возможностей личной свободы, отмечал Федотов [20, с.200]. И даже двухвековое татарское иго не уничтожило русскую свободу. Пала она, как это ни парадоксально, лишь после освобождения от татар. «Есть одна область средневековой Руси, где влияние татарства ощущается сильнее – сперва почти точка на карте, потом все расплзающееся пятно, которое за два столетия покрывает всю восточную Русь. Это Москва «собирательница» земли русской. Обязанная своим возвышением прежде всего татарофильской и предательской политике своих первых князей... Захваты территорий, вероломные аресты князей-соперников совершаются при поддержке церковных угроз и интердиктов. В самой московской земле вводятся татарские порядки в управлении, суде, сборе дани. Не извне, а изнутри татарская

стихия овладевала душой Руси, проникала в плоть и кровь» [21, с.201]. Таким образом, Федотов практически повторяет, напоминает о том существенном, что было известно просвещенной части российского общества задолго до него.

Вспомним здесь Петра Чаадаева, который (1836) отмечал, что именно национальная власть унаследовала дух иноземного татарского владычества, жестокого и унижительного [22, с.19]. Вспомним размышления украинского мыслителя и писателя Владимира Короленко (1920), который писал: «Россия, привыкшая подчиняться всякому угнетению, не выработавшая формы для выражения своего истинного мнения, вынуждена идти этим печальным, мрачным путем в полном одиночестве» [23, с.215]. Оценивая лживые обещания большевиков, Короленко напоминал им, что правительства чаще всего погибают от лжи. Коммунисты, как мы это видели уже в рассуждениях И. Сталина, М. Горького и др., лелеяли мечту уничтожить все старое. В. Короленко возражает против таких идей: «Такие вещи, как свобода мысли, собраний, слова и печати... необходимое орудие дальнейшего будущего, своего рода палладиум, который человечество добыло путем долгой и бесплодной борьбы и прогресса. Только мы, никогда не знавшие вполне этих свобод и не научившиеся пользоваться ими совместно с народом, объявляем их «буржуазным предрассудком», лишь тормозящим дело справедливости» [24, с.207]. Лично сам Короленко, анализируя происходящие после революции события, предчувствовал впереди такие бедствия для страны, «перед которыми померкнет все то, что мы испытываем теперь».

Политическая риторика правящего в Украине политического класса сегодня направлена против досрочного проведения выборов в Верховную Раду. Их оппоненты считают, что это неверно. Владимир Короленко, в ситуации большевистского подавления инакомыслия писал: «Нормально, чтобы в стране были представлены все оттенки мысли, даже самые крайние, даже порой неразумные. Живая борьба препятствует гниению и превращает даже неразумные стремления в своего рода прививку: то, что неразумно и вредно для данного времени, часто сохраняет силу для будущего» [25, с. 217].

Современная риторика, а политическая тем более, вполне усвоила истину, высказанную нашим мыслителем. Только теоретическую базу под нее подвел Пол Фейерабенд, введя в методологию науки принцип «дозволено всё» («anything goes»): каждый ученый волен изобретать свою собственную концепцию и защищать ее любыми аргументами [26]. К сожалению, в политической риторике ныне мы видим господство откровенной лжи, недомолвок и инсинуаций. Возможно, в наибольшей мере негативные последствия этого коснулись нашей многострадальной Украины.

Выводы

Многие люди в Советском Союзе поверили в Перестройку, политическая риторика которой устами партийных вождей и общественных деятелей несла в массы правильные мысли. Некоторые из них, если слово «перестройка» убрать из текста и заменить более подходящим, вполне приемлемы и ныне для украинских реалий. «В переходный период, который мы переживаем, для центральной власти, ставящей перед собой исторические задачи, слишком большая роскошь столь длительное время плестись в хвосте событий, отвечая лишь на вызовы, да к тому же с огромным количеством ошибок и с большим опозданием. Сегодня судьба перестройки и успех модернизации главным образом зависят от того, удастся ли в ближайшее время преодолеть анемию высшей власти, укрепить общепризнанный авторитет и сильную политическую волю в центре, чтобы твердо держать инициативу в своих руках и последовательно проводить реформы во всех направлениях. Иначе опять придется с грустью констатировать, что был прав Чаадаев, утверждая, что в нашей стране нет исторической памяти, потому что мы начинаем каждый день с чистого листа и потому обречены на то, чтобы повторять одни и те же ошибки» [27, с.184]. Но Перестройка не помогла. Была в людях ее эпохи какая-то скверна, которая не позволила осуществить необходимые перемены.

В 1920 году Владимир Короленко верил в Антанту, которая поможет России (а Украина была ее составной частью): «Настанет время, когда изнуренный колосс будет просить помощь ему, не спрашивая об условиях... И усло-

вия, конечно, будут тяжелые» [28, с.216]. Спустя четверть века Георгий Федотов (1945) тоже задавался вопросом, могли бы завершившаяся война и знакомство массы солдат и офицеров с европейской жизнью привести к внутренней эволюции и возрождению свободы в России. Но полагал, что это «вопрос, на который опыт истории, думается, дает отрицательный ответ» [29, с.213]. Но не окончательный, ибо, если тоталитарный труп и может быть воскрешен к свободе, то живой воды придется опять искать на Западе, уверен Федотов. Здесь же он замечает, что сегодня (1945) именно западные льстецы Сталина и Советской России являются главными врагами русской свободы, раболепно относясь к диктатуре, победившей другую диктатуру. Посему очень многое надо сделать, борясь за свободу на всех мировых фронтах, чтобы «способствовать возможному, но сколь еще далекому, освобождению России», замечает Георгий Федотов.

И в нынешнем западном мире (2015-2016) льстецы не перевелись, только объекты их лести имеют другие имена в России и в Украине. Как завершится противостояние цивилизаций, покажет ближайшее будущее, учитывая, что движение истории ускоряется.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. Пекар, Ми виступаємо за різке зниження податків на зарплату // <http://www.epravda.com.ua/publications/2015/11/24/568912/> [доступ: 24.11.2015]; В. Страхова, Чи можливі реформи без лідера // <http://www.epravda.com.ua/publications/2015/12/16/572578/> [доступ: 16.12.2015]; Є. Рибчинський, Портрет лідера нації // <http://blogs.pravda.com.ua/authors/ribchinski/56d217cf8565f/> [доступ: 27.02.2016]; О. Яхно, Местные выборы как завершение политической повестки 2013-2015 // <http://blogs.pravda.com.ua/authors/yakhno/562a8818b1e01/> [доступ: 23.10.2015].
2. О. Tkachenko, The perception of Ukrainian identity during Euromaidan in Polish opinion-making press, "Studia Medioznawcze" 2016, nr 1 (64), s. 75-86.
3. Сталин И.В. Речь на XV Московской губернской партийной конференции. 14 января 1927 г. // И.В. Сталин. Сочинения. – Т. 9. – Москва, 1948. – С. 155.
4. Там же. – С. 161-162.

5. Сталин И.В. Речь на собрании рабочих Сталинских ж.-д. мастерских Октябрьской дороги. 1 марта 1927 г. // И.В. Сталин. Сочинения. – Т. 9. – Москва, 1948. – С. 175.

6. Луначарский А.В. Основы позитивной эстетики. – Москва-Ленинград, 1923. – С. 42.

7. Луначарский А.В. О социалистическом реализме // А.В. Луначарский. Сочинения. – Т. 8. – Москва, 1967. – С. 525.

8. Луначарский А.В. Основы позитивной эстетики... – С. 72-73.

9. Сталин И.В. Письмо А.М. Горькому // И.В. Сталин. Сочинения. – Т. 12. – Москва, 1949. – С. 174-175.

10. Цит. по: Краткая литературная энциклопедия. В 8 т. – Т. 7. – Москва, 1972. – С. 93.

11. Детальнее об этом см.: Авторханов А. Загадка смерти Сталина. Главы из книги // Новый мир. – 1991. – № 5. – С. 194-233.

12. А.М. Горький – Н.И. Бухарину. Письмо от 13 июля 1925 г. // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 1. – С. 246.

13. Там же. – С. 247.

14. А.М. Горький – И.В. Сталину. Письмо от 27 ноября 1929 г. // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 3. – С. 184-185.

15. Платонов А.П. Избранное / Сост. М.А. Платонова / Предисловие Т.С. Шехановой. – Москва, 1988. – С. 485.

16. Авторханов А. Загадка смерти Сталина... – С. 201.

17. Куваев О.М. Территория: Роман. – Харьков, 1981. – С. 140.

18. Шевченко Т.Г. Повний збірник творів / Під ред. Д. Дорошенка. – Катеринослав, 1914. – С. 181.

19. Крюкова С., Мусаева-Боровик С. Говорить і показує Шустер // <http://www.pravda.com.ua/articles/2016/04/29/7107178/> [доступ: 29.04.2016].

20. Федотов Г. П. Россия и свобода // Знамя. – 1989. – № 12. – С. 200.

21. Там же. – С. 201.

22. Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // П.Я. Чаадаев. Сочинения. – Москва, 1989. – С. 19.

23. Короленко В. Письма к Луначарскому // Новый мир. – 1988. – № 10. – С. 215.

24. Там же. – С. 207.

25. Там же. – С. 217.

26. См.: Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / Переводы с англ. и нем; Общ. ред. и авт. вступ. ст. И. С. Нарский. – Москва, 1986.

27. Мигранян А. Долгий путь к европейскому дому // Новый мир. – 1989. – № 7. – С. 184.

28. Короленко В. Письма к Луначарскому... – С. 216.

29. Федотов Г.П. Россия и свобода... – С. 213.

